

IX Международный конкурс имени П. И. Чайковского

1990, июнь

24 1990

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ ЦК КПСС

Советская
КУЛЬТУРА

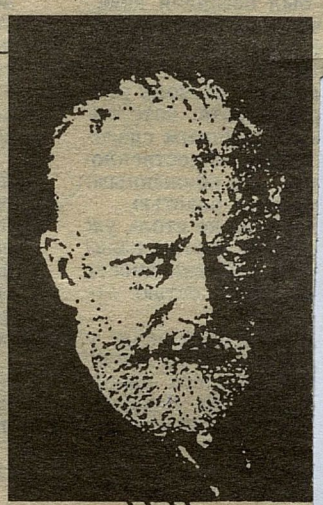
ЭКРАН И СЦЕНА

14 июня - с 1, 8-9

Сегодня в Москве открывается
IX Международный конкурс
имени П. И. Чайковского

На рисунке нашего художника
Константина Валова — лауреаты
этого конкурса прошлых лет, а
ныне члены жюри — Владимир
Крайнев, Мария Биешу и Виктор
Третьяков.

Подборку материалов о IX Международном
конкурсе имени П. И. Чайковского читайте на
8—9-й страницах.

Ски знают, что такое победа на конкурсе и желают её всем участникам —

Лауреаты за судейским столом

Что бы ни говорили о падении его престижа, как бы ни пугали угрозой срыва — крупнейший музыкальный конкурс мира, собрав рекордное число участников, начал свою работу! Сегодня утром жеребьевка у пианистов, и закружится, завертится конкурсная карусель. Все, кому дали мы накануне открытия слово, прошли через эту волнующую процедуру в разные годы существования

Московского международного. Для них вытнутые номера оказались счастливыми: Мария Биешу стала лауреатом третьей премии, Владимир Крайнев, Виктор Третьяков и Николай Огренич — обладателями золотых медалей. Ныне бывшие конкурсанты по другую сторону барьера, и уже им предстоит решать судьбы начинающих свой путь в искусстве музыкантов. Итак, взгляд на IX Конкурс имени Петра Ильича Чайковского из комнаты жюри.

Владимир КРАЙНЕВ,
лауреат I премии IV конкурса

Поможем себе и участникам

Мне было 26, когда я принял участие в этом конкурсе. К тому времени моя творческая жизнь складывалась довольно удачно: я уже был лауреатом двух международных состязаний, солистом Московской филармонии, много концертировал, и Конкурс Чайковского не являлся для меня самоцелью — участие в нем было определено волевым решением «сверху».

Дело в том, что время его проведения совпало со 100-летием Владимира Ильича Ленина, и в честь этого события ЦК партии в лице своего отдела культуры обязал советских конкурсантов получить все первые премии. Я, например, личным указанием Е. А. Фурцевой был «назначен» на золотую медаль по фортепианному разделу. Психологическая ситуация сложилась для меня, конечно, не самая благоприятная. Чувствовал, что публика, которая, как обычно, обо всем узнает раньше самих исполнителей, заранее настроена против меня. Это естественно — назначенный лидер всегда вызывает раздражение. И нужно было доказать, что хотя я и «назначен», но как музыкант тоже кое-что собой представляю. К счастью, это удалось на первом же туре.

В нынешнем году я впервые стал членом жюри Конкурса Чайковского. Дав согласие участвовать в его работе, я выдвинул несколько предложений. Одно из них, в частности, связано с антидемократическим, почти рабовладельческим, на мой взгляд, отношением к членам жюри. В нашем конкурсе участвует очень много музыкантов, например, только от пианистов в этом году мы получили 188 заявок. Конечно, приехали не все, но чтобы выслушать даже человек 120, каждый из которых привез на первый тур полуторачасовую программу, — на это же надо положить всю оставшуюся жизнь! Боюсь, нам придется сокращать программу тура, что может сказаться на результатах участников. Я предлагал сделать то, что сегодня принято на многих международных конкурсах, — предварительно отслушивать пленки с записью определенных произведений, которые за 2 месяца присылают все потенциальные участники, исключая лауреатов трех первых премий других конкурсов, и лишь прошедших подобный отбор приглашать в Москву. Я говорил об этом с прежними руководителями Министерства культуры СССР. Они меня всецело поддержали: «Прекрасная идея! Надо так и сделать». После чего тут же ушли на другие посты. На том все и кончилось.

Между тем из-за огромного количества участников Конкурса Чайковского крайне растянут во времени. А это в свою очередь не позволяет многим выдающимся зарубежным исполнителям принять участие в его работе. Все они безумно заняты, и выкроить время на то, чтобы «засесть» по три недели в наших жюри, им очень трудно. Другое мое предложение — договорившись с лучшими оркестрами и лучшими залами мира, организовать для будущих победителей большое турне, как это делается, например, на конкурсе имени Вэна Клайберна в США. И, кстати, мы могли бы иметь немалый доход, поскольку лауреаты первых премий Конкурса Чайковского сразу после его окончания «покупаются» во всем мире за огромные деньги. Но, похоже, и это никому не нужно.

Одним словом, проблем на конкурсе достаточно. И тем не менее работа, как мне кажется, предстоит очень интересная.

Николай ОГРЕНИЧ,
лауреат I премии IV конкурса

И состязание, и «школа»...

Я помню, что на «моем» Конкурсе Чайковского был очень сильный состав жюри. В него входили такие корифеи вокального искусства, как Мария Каллас и Тито Гобби. Мне настолько хотелось петь, я чувствовал такой подъем, что, по-моему, это сыграло решающую роль в моей победе. Когда я спел Туридду из «Сельской чести», ко мне подошел сам маэстро Гобби и, поцеловав, подарил свою именную зажималку. Это, конечно, одно из самых незабываемых впечатлений.

На прошлом Конкурсе Чайковского я стал членом жюри. В этом году меня вновь включили в его состав. Здесь уже сложились свои традиции, мы все неплохо сработались, и у нас, как правило, не бывает серьезных разногласий. Но мне хотелось бы видеть в нашей «судейской коллегии» не только вокалистов, но и известных дирижеров, теоретиков. По-моему, это было бы интересно и весьма полезно. Хотелось бы и чтобы жюри в большей степени было школой для конкурсантов. Думаю, советы опытных вокалистов, касающиеся манеры исполнения, выбора репертуара и так далее, были бы очень полезны для молодых певцов. Один совет «от себя» — те, кто имеет такую возможность, должны тщательнее выбирать концертмейстеров. На конкурсе мы часто отмечаем, что аккомпаниатор не слышит певца, увлечен только своей партией, а это, конечно, сказывается на общем впечатлении от исполняемого произведения.

Кроме того, я бы разрешил советским певцам участвовать в Конкурсе Чайковского без всяких предварительных прослушиваний. Ведь даже на зарубежные соревнования уже разрешено ездить всем желающим, была бы валюта.

Мария БИЕШУ,
лауреат III премии III конкурса

Ищу певца-личность

Самое яркое воспоминание о конкурсе? Для меня все было интересным, ведь на III Конкурсе Чайковского певцы соревновались впервые. Помню, в финальном туре со мной произошел курьезный случай. Я тогда первый раз в жизни покрасила ресницы. Все иностранки на конкурсе были с такими, и мне захотелось попробовать. А пела одну за другой две печальные арии и так расчувствовалась, что у меня потекли слезы. Черные. Димитриади, который дирижировал на третьем туре, попытался меня выручить — дал платок. Но глаза щипало все больше, и до кулис мне пришлось добираться почти вслепую. Тогда я страшно расстроилась, а через год, когда приехала в Японию на конкурс Чио-Чио-сан и мне показали эти кадры, уже смеялась. Что поделаешь, красота требует жертв.

На следующем Конкурсе Чайковского я уже была приглашена работать в жюри вокалистов, и с тех пор являюсь его постоянным членом. За эти годы жюри, конечно, менялось, но менялась и я сама. Если сначала я больше ценила красоту голоса, то теперь для меня больше значит искусство исполнения со всеми его компонентами — чистотой интонации, стилевой точностью, умением создать образ и в большой арии, и в маленьком романсе. Теперь я ищу певца-личность.

Мне доводилось работать в жюри многих международных конкурсов — в Италии, Франции, Венгрии, Бразилии, — и могу сказать, что наш конкурс принадлежит к числу наиболее гуманных. Там вокалисты выступают в сложных условиях — их могут остановить в любой момент, а это всегда психологический стресс, могут попросить спеть определенное произведение из огромного обязательного списка, и певцу бывает трудно перестроиться. В этом смысле условия нашего состязания намного комфортнее — вокалист всегда знает, что ему предстоит петь, и его никогда не прерывают во время исполнения, даже если он «не тянет». Ведь мы, члены жюри, знаем по себе, насколько певцы ранимы.

Но наш конкурс имеет, конечно, и свои недостатки. Одним из наиболее существенных я считаю то, что у нас слишком много премий (12 — у вокалистов и 8 — по другим специальностям), которые к тому же зачастую делятся между 2—3 конкурсантами. Это, на мой взгляд, только обесценивает их.

Виктор ТРЕТЬЯКОВ,
лауреат I премии III конкурса

Забывать о баллах и турах!

Прошло почти четверть века с тех пор, когда я, еще студент первого курса консерватории, был удостоен чести выступать на Конкурсе Чайковского, но все помнится довольно отчетливо. Разве такое забывается? Он принес победу, определившую всю мою дальнейшую жизнь, и помог в чисто профессиональном плане.

А еще — моральная поддержка учителя и доброго наставника — профессора Янкевича. Это был замечательный человек, великолепный педагог, вкладывавший в своих студентов умение, знания, душевные силы и щедрое сердце. Он приучал нас самостоятельно мыслить, самим доискиваться до истины. Его очень не хватало нашей скрипичной школе, а она, надо честно сказать, на определенном этапе немалого приостановилась в своем развитии. Хороших педагогов у нас сегодня не хватает.

В нынешнем конкурсе из пяти моих учеников выступают четверо: два советских музыканта — Наташа Лихопой и Дмитрий Берлинский и два иностранных — из Югославии и Японии.

А не отразится ли заинтересованное отношение педагога к своим воспитанникам на оценках других конкурсантов?

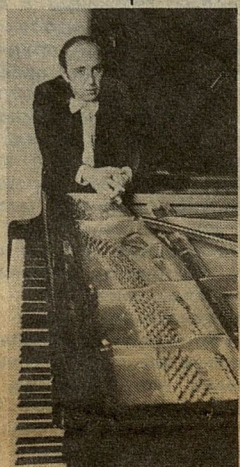
Даже мысли такой не допускаю. Во-первых, по условиям конкурса я не имею права ставить оценки своим студентам. Да и вообще намеренно завышать одним и занижать другим баллы, считаю, не только аморально, но и преступно.

В свое время в адрес конкурса высказывалось немало нареканий относительно существовавшей системы отбора конкурсантов, а также неправомерности преобразования в составе жюри советских музыкантов. Произошли ли какие-либо изменения?

На сей раз число членов жюри от нашей страны относительно уменьшено. Не проводилось в отличие от прошлых лет предварительного отбора участников на областных, республиканских и всесоюзных смотрях. Все стало демократичнее и проще.

Итак, сегодня вечером — торжественный акт открытия. Не хотелось бы Третьякову — бывшему участнику конкурса — высказать пожелания Третьякову — члену жюри!

Вопрос, конечно, интересный. И сейчас мне непросто представить себя в роли участника, но в принципе я мог бы посоветовать жюри быть более объективным и проявлять снисходительность к каким-то маленьким погрешностям исполнителей, учитывая их волнение и страх перед таким представительным составом судей. А как член жюри я хотел бы пожелать участникам играть свободно, раскованно, забыв о баллах и турах. Пусть каждый из них представит, что он выступает на концерте перед большой аудиторией доброжелательных зрителей. Какая возможность продемонстрировать свое мастерство, свой талант!

Наталья ТИ

Две

Что такое для молодого человека? Хотела сток бумаги, его на две гра ну записать в в другую — мы поняла, что можно, насто сложным обра плетено, взе но, нераздел дост и огорче чение праз страшное неупражнение.

Нынешним сантам повез бавили от вс отборочного вания. А в группа участ нистов была на проходить ды. По милос Сергея Ерохи потом получи мю, а точнее милости к н Дело в том, зультате пер слушивания и стию в конку цены не был

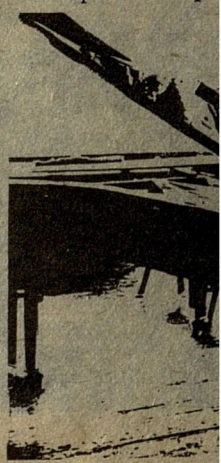
Об интервь Викторией Л мы договор Муллоу. В собиравась что не при саму раски Конкурсе Ча

Зао

— В жизни тий, которые Но чем больш когда я, оше она будет жи ется там ее она никауда «н словно прима событию, от сознающий се к музыке, бе ботоспособнос вместе, беспон жизни.

В тот год, ей было десят Мы побывали Играл замеч Сливачков, Ко мирами. Ход соревновавши И с тех пор 1 стязания.

Конечно, е мечта и самог да она вырос ным. Она жа ме всего про этой победы Вика училась ся очередной участвовать б наверное, дей та на концерт до было бы п бюрократичес преты. Скорее

И. ЧАЙКОВСКОГО

такое победа
желают её
кам —

М СТОЛОМ

бы Московского международного. Для них вытнутые номера оказались счастливыми: Мария Биешу стала лауреатом третьей премии, Владимир Крайнев, Виктор Третьяков и Николай Огренич — обладателями золотых медалей. Ныне бывшие конкурсанты по другую сторону барьера, и уже им предстоит решать судьбы начинающих свой путь в искусстве музыкантов. Итак, взгляд на IX Конкурс имени Петра Ильича Чайковского из комнаты жюри.

Мария БИЕШУ,
лауреат III премии III конкурса

Ищу певца-личность

Самое яркое воспоминание о конкурсе? Для меня все было интересным, ведь на III Конкурсе Чайковского певцы соревновались впервые. Помню, в финальном туре со мной произошел курьезный случай. Я тогда первый раз в жизни покрасила ресницы. Все иностранки на конкурсе были с такими, и мне захотелось попробовать. А пела одну за другой две печальные арии и так расчувствовалась, что у меня потекли слезы. Черные. Димитриад, который дирижировал на третьем туре, попытался меня выручить — дал платок. Но глаза щипало все больше, и до кулис мне пришлось добираться почти вслепую. Тогда я страшно расстроилась, а через год, когда приехала в Японию на конкурс Чио-Чио-сан и мне показали эти кадры, уже смеялась. Что поделаешь, красота требует жертв.

На следующем Конкурсе Чайковского я уже была приглашена работать в жюри вокалистов, и с тех пор являюсь его постоянным членом. За эти годы жюри, конечно, менялось, но не я сама. Если поначалу я больше ценила красоту голоса, то теперь для меня больше значит искусство исполнения со всеми его компонентами — чистотой интонации, стилевой точностью, умением создать образ и в большой арии, и в маленьком романсе. Теперь я ищу певца-личность.

Мне доводилось работать в жюри многих международных конкурсов — в Италии, Франции, Венгрии, Бразилии, — и могу сказать, что наш конкурс принадлежит к числу наиболее гуманных. Там вокалисты выступают в сложных условиях — их могут остановить в любой момент, а это всегда психологический стресс, могут попросить спеть определенное произведение из огромного обязательного списка, и певцу бывает трудно перестроиться. В этом смысле условия нашего состязания намного комфортнее — вокалист всегда знает, что ему предстоит петь, и его никогда не прерывают во время исполнения, даже если он «не тянет». Ведь мы, члены жюри, знаем по себе, насколько певцы ранимы.

Но наш конкурс имеет, конечно, и свои недостатки. Одним из наиболее существенных я считаю то, что у нас слишком много премий (12 — у вокалистов и 8 — по другим специальностям), которые к тому же зачастую делятся между 2—3 конкурсантами. Это, на мой взгляд, только обесценивает их.

Виктор ТРЕТЬЯКОВ,
лауреат I премии III конкурса

Забывать о баллах и турах!

Прошло почти четверть века с тех пор, когда я, еще студент первого курса консерватории, был удостоен чести выступать на Конкурсе Чайковского, но все помнится довольно отчетливо. Разве такое забывается? Он принес победу, определившую всю мою дальнейшую жизнь, и помог в чисто профессиональном плане.

А еще — моральная поддержка учителя и доброго наставника — профессора Янкевича. Это был замечательный человек, великолепный педагог, вкладывавший в своих студентов умение, знания, душевные силы и щедрое сердце. Он приучал нас самостоятельно мыслить, самим доискиваться до истины. Его очень не хватало нашей скрипичной школе, а она, надо честно сказать, на определенном этапе немного приостановилась в своем развитии. Хороших педагогов у нас сегодня не хватает.

В нынешнем конкурсе из пяти моих учеников выступают четверо: два советских музыканта — Наташа Лихопой и Дмитрий Берлинский и два иностранных — из Югославии и Японии.

— А не отразится ли заинтересованное отношение педагога к своим воспитанникам на оценках других конкурсантов?

— Даже мысли такой не допускаю. Во-первых, по условиям конкурса я не имею права ставить оценки своим студентам. Да и вообще намеренно завывать одним и занижать другим баллы, считаю, не только аморально, но и преступно.

— В свое время в адрес конкурса высказывалось немало нареканий относительно существовавшей системы отбора конкурсантов, а также неправомерность преобладания в составе жюри советских музыкантов. Произошли ли какие-либо изменения?

— На сей раз число членов жюри от нашей страны относительно уменьшено. Не проводилось в отличие от прошлых лет предварительного отбора участников на областных, республиканских и всесоюзных смотрах. Все стало демократичнее и проще.

— Итак, сегодня вечером — торжественный акт открытия. Не хотелось бы Третьякову — бывшему участнику конкурса — высказать пожелания Третьякову — члену жюри!

— Вопрос, конечно, интересный. И сейчас мне непросто представить себя в роли участника, но в принципе я мог бы посоветовать жюри быть более объективным и проявлять снисходительность к каким-то маленьким погрешностям исполнителей, учитывая их волнение и страх перед таким представительным составом судей. А как член жюри я хотел бы пожелать участникам играть свободно, раскованно, забыв о баллах и турах. Пусть каждый из них представит, что он выступает на концерте перед большой аудиторией доброжелательных зрителей. Какая возможность продемонстрировать свое мастерство, свой талант!

Наталья ТРУЛЛЬ, лауреат II премии VIII конкурса

Две стороны медали

Что такое конкурс для молодого музыканта? Хотела взять листок бумаги, разделить его на две графы, в одну записать все плюсы, в другую — минусы. Но поняла, что это невозможно, настолько все сложным образом переплетено, взаимосвязано, неразделимо — радости и огорчения, ощущение праздника и страшное нервное напряжение.

Нынешним конкурсантам повезло: их избавили от всеобщего отборочного прослушивания. А вот наша группа участников-пианистов была вынуждена проходить его дважды. По милости моей и Сергея Ерохина, также потом получившего премию, а точнее — по не милости к нам жюри. Дело в том, что в результате первого прослушивания мы к участию в конкурсе допущены не были. Возму-

щенный таким решением, Андрей Яковлевич Эшпай, председатель жюри конкурса пианистов, добился второго прослушивания. Не знаю, нужны ли вообще эти отборочные соревнования, — едва ли, но в любом случае в составе всеобщего жюри, на мой взгляд, не должно быть лиц, так или иначе пристрастных, заинтересованных в чьей-то победе, и прежде всего — педагогов конкурирующих студентов. Предконкурсными недоразумениями я не отделилась. По окончании выступлений, когда уже были объявлены результаты, вдруг пошли слухи о том, что вторая премия была поделена между мной и участницей, на самом деле занявшей третье место. Но что особенно любопытно, эта легенда нашла документальное подтверждение в недавно вышедшем в

издательстве «Советский композитор» сборнике «Современные пианисты».

Чаще всего награды получают действительно достойные музыканты. И тем не менее не всегда решения жюри представляются бесспорными. Вспоминаю, например, выступления своего бывшего соперника — французского пианиста Роже Мюра-ро, ставшего лауреатом четвертой премии. Музыкант он, несомненно, очень одаренный и, главное, самобытный. Но, похоже, это «главное» ему и помешало. Его исполнительская манера для нас непривычна. Он «другой», а мы не очень-то это любим. Конечно, он дал повод для не слишком высокой оценки, не все было сыграно чисто, технически безупречно. Но, по-моему, нужно оценивать не только сегодняшнюю игру ис-

полнителя, но и постараться увидеть его в перспективе дальнейшей концертной деятельности. Премия — это аванс на будущее, попытка предвидения, если хотите. И лучше «выдать» этот аванс по-настоящему одаренному, пусть и небезупречно выступившему музыканту. Как знать, может быть, с таких опосредованных и начинались бы восхождения новых «звезд», ярких талантов?

Об интервью с лауреатом I премии VII конкурса Викторией МУЛЛОВОЙ, ныне живущей за рубежом, мы договорились через ее маму, Раису Николаевну Муллоу. В начале июня Виктория Муллова собиралась приехать в Москву, но так получилось, что не приехала. И мы попросили Раису Николаевну саму рассказать о том, что значил для ее дочери Конкурс Чайковского.

Заочная встреча

— В жизни Вики было много таких событий, которые обычно называют поворотными. Но чем больше проходит времени с того дня, когда я, ошеломленная, узнала, что отныне она будет жить на Западе, чем ярче разгорается там ее талант, тем чаще я думаю, что она никак «не сворачивала», что ее судьба — словно прямая линия, идущая от события к событию, от поступка к поступку. Большой, создающий себя талант, безграничная любовь к музыке, бешеная энергия, невероятные работоспособность и честность, соединившись вместе, бесповоротно предопределили все в ее жизни.

В тот год, когда Вика поступила в ЦМШ — ей было десять лет, — проводился IV конкурс. Мы побывали почти на всех прослушиваниях. Играли замечательные скрипачи — Кремер, Спиваков, Корсаков, сразу же ставшие ее кумирами. Ходили мы слушать и музыкантов, соревновавшихся по другим специальностям. И с тех пор уже не пропускали ни одного состязания.

Конечно, еще в детстве у нее появилась мечта и самой выступить на конкурсе. А когда она выросла, это желание стало осознанным. Она жаждала победы, признания и, кроме всего прочего, прекрасно понимала, что от этой победы во многом зависело ее будущее. Вика училась на четвертом курсе, приближался очередной конкурс 1982 года, и решение участвовать было принято. После победы ей, наверное, действительно открылась бы дорога на концертную эстраду, но сколько сил надо было бы положить на то, чтобы обойти все бюрократические препоны, ограничения, запреты. Скорее всего у нее достало бы воли,

чтобы и в этой борьбе добиться успеха. Но она не захотела тратить свою энергию ни на что, кроме музыки, и решила уехать.

Недавно Вика вдруг упрекнула в лицемерии, в том, что она пыталась «вписаться» в систему и даже преуспела в этом. Я хочу сказать, что она всегда была поглощена только искусством и тем, что происходило у нее внутри. И была весьма далека от общественной деятельности, хотя ей пришлось быть делегатом комсомольского съезда.

Съезд должен был состояться и состоялся перед самым конкурсом. Консерваторию обязали рекомендовать в делегаты талантливую исполнительницу, будущего лауреата. Вика отлично училась, ей прочили премию, и она была выдвинута. Ей приходилось вставать в пять утра, чтобы готовиться к конкурсу, потому что в десять уже начинались заседания съезда. Человек необыкновенно собранный, целеустремленный, она была в полном потрясении от этих заседаний и все время недоумевала, как это люди могут целый день сидеть, ничего не делая, и скандировать лозунги.

Большая радость — увидеть мир, и большое несчастье — лишиться своей страны. Вика уехала, но она не отреклась от того, что здесь любила. И очень хочет побывать на Родине. Но, как выяснилось, для того чтобы осуществилось это желание, нужно или возвратить себе советский паспорт, или как раз «отречься» и стать иностранкой. Она не может сделать ни того, ни другого. И все же я очень надеюсь, что когда-нибудь вы будете разговаривать не со мной, а с моей дочерью, и что будет это здесь.

Л. Козан вручает награду В. Мулловой.

